

Наталья Михалёва-Сайа

Созвучье смыслов и примет

Украшение саха

Украсил серебром и золотом,
сияющим, как лунный свет,
поющим, как тойук, в богатом
созвучье смыслов и примет,

двоих — кто всех ему дороже —
коня и женщину свою,
мужчина так, как только может
Создатель, любящий в раю.

Подвески сделав вдохновенно
и кисти с чувством смастерив,
и бляшки радостью отменной
снабдив, чтоб стал их нрав игрив,

покрыв священным наговором
литой нагрудника металл,
он сей убор окинул взором
и, кажется, счастливей стал.

В нём звенья мудрости литые,
в нём счастья вечного броня
в нём веры две его святые —
да, в женщину, но и в коня.

Нет, не руками дилетанта —
он гордость нации своей
отлил из золота таланта,
из непрестанных дум о ней.

Её — как песнь во славу предков
он посвятил друзьям своим —
коню и женщине — нередко
лишь ими от беды храним.

В музее

Старинный бубен тот, девятирогий,
как экспонат висящий на стене,
под взглядом моим пристальным и строгим
вдруг встрепенулся, показалось мне.

Забилось сердце бубна, как раскаты
грозы далёкой. Нынче не у дел,
он словно умолял меня: «Пока ты
одна здесь, бей в меня!» И вслед глядел...

и звякнули железные подвески,
и голос мой невольно зазвучал,
и колотушка вверх взлетела резко
(не то во сне, не то — во власти чар!),

чтоб в бубен бить, незримых соглядатых
сюда всех созывая, — и раз и два...
Как в бубен не ударить тот, когда ты
во власти чар?! Сдержалась я едва
и вырвалась из плена колдовского,
Ну что теперь гадать: ах, если бы?!..
Я — человек, и счастья мне такого
нежданного не надо от судьбы.

А бубен этот, высохший до хруста,
девятирогий, как-то разом сник
и губы сжал, чтоб думы все и чувства
не выпустить, сорвавшись вдруг на крик.

Не крик уже, а хрип натужный! Если
прислушаться — услышишь в тишине,
как он камланий медленные песни
себе под нос бормочет на стене...

Перевод Евгения Каминского

Одинокий сэргэ

Дорога к любимому поэту Анемподисту Софронову-Алампа

Осень меди золотьём,
Благословия дождём
На аласы позвала
К другу сердца Алампа...
И открылись мне врата,
Сокровенная мечта
В путь-дорогу собрала,
В Татту к другу повела.

Там, у рощи на краю,
У аласа на груди
Словно сердце столб стоит,
Одинокий столб — сэргэ,
Как единственный мотив
Или сломанный язык
От хомуса и молчит
Одинокий столб — сэргэ!

Ждал меня он, Алампа,
В этой осени красе,
Неба ясной чистоте
Ждал меня он, Алампа!

Я слышала тогда
Тонкострунной скрипки плач,
Неизбывную печаль,
Сказ особый Алампа
И стихи, и песни в лад..
И пронзительно лились
Струи вечные любви.

Даже тяжесть всей судьбы
На плечах своих неся,
Не найдя иной тропы,
Пряча облик свой в слезах,
Ты заветный тот напев,
Что назначен был Творцом,
Всё равно сумел воспеть
Сладкой женщины любовь,
Сытной жизни негу, лоск
Ты не выбрал, вновь и вновь
Торжествуя вознёс
Чудо-силу своих слов,

Невзирая на обман
Туч, сулящих волю там,
Славословие презрев,
Ты во имя светлых дней,
Ради счастья и удач
Никогда не предавал
Лучезарный свой талант.
А когда пришла пора
Краской правду укрывать,
Красной ложью покрывать,
Ты не стал их восхвалять —
От правдивых, честных слов
Отказаться ты не мог.

Вот об этом там в тиши
Одинокий столб молчит,
На отшибе он стоит..
Средь прекраснейших долин
Поэтических цветов
Как единственный мотив
Одинокого стиха
В колыбели золотой
У аласа на груди
Словно сердце столб немой
Вечной памятью гудит.

Перевод Владимира Андросова